РАСКРЫВАЯ ГРАНИ ХАРАКТЕРА

Заметки о фильмах «Виринея» и «Журавушка»

На память сами собой приходят некрасовские строки, когда, встретив «женщину русских селений», «с уверенной силой в движениях, с походкой, со взглядом цариц», мы хотим точно и емко определить сущность ее характера.

Созданный поэтом портрет впечатляет не внешними чертами, а освещающей его духовной, нравственной красотой. Той самой красотой, которой столь щедро наделена наша современница — советская патриотка, вынесшая на своих плечах тяготы войны, помогавшая поднять из пепла и руин не только свою «горящую избу», но и всю Родину. Она не согнулась под бременем горя и утрат, а вышла навстречу жизни с высоко поднятой головой.

Лучшие произведения о русской женщине так или иначе обязаны своим успехом некрасовской традиции, сочетающей высокую гражданственность и поэтическое преклонение художника перед соотечественницей.

Вспомним некоторые женские образы нашего кино. Вера Марецкая в «Члене правительства», Нонна Мордюкова в «Простой истории», Римма Маркова в «Бабьем царстве»... Среди многих актерских имен и фильмов — эти не забудутся. Не только потому, что значительны и глубоки темы произведений, правдив и понятен их язык, художественная стилистика, но и потому прежде всего, что здесь каждый раз происходило открытие характера — в новых исторических условиях, в новых человеческих проявлениях, во всей полноте его своеобразия. Характера типичного и индивидуально неповторимого, вместившего в себя те нравственные и эстетические критерии, которые вечно живы в сознании народа.

Недавно на экраны страны вышли две новые картины — «Виринея» и «Журавушка», в центре которых опять «женщина русских селений». В обоих фильмах заглавные роли исполняет молодая актриса Людмила Чурсина.

Есть ли в Чурсиной та «особенная стать», какая свойственна лишь дарованию самобытному, несущему в искусство что-то свое?

Поначалу, поддавшись обаянию внешности актрисы, мы просто любуемся ею. Но вот рассказаны одна за другой две непохожие киноистории, и начинаешь понимать, что исполнительница обеих ролей связала своих героинь какой-то незримой нитью, нашла в этих образах то общее, что, очевидно, особенно близко ей самой. Это общее — русский характер, лучшие черты которого стремится раскрыть актриса.

Сочетание душевной силы, сердечной щедрости и женственности, исполненной особого чувства достоинства,— так ей видятся ее героини. Вместе с тем Чурсина создает два очень различных образа.

Виринея — женщина с певучим именем из кержацких святцев, сложная, необузданная натура, очень далека от задумчивой, замкнувшейся в своем горе солдатской вдовы Марфы Лунной.

Бунт Виринеи сперва неосознан и стихиен, потому что нет у нее большой цели, того, чему стоило бы отдать себя целиком. Но вот докатываются и до сибирской глухомани очистительные волны революции. И тогда такие, как Виринея, поднимаются к настоящей жизни. Пробуждаются их силы, раскрывается красота личности.

Жадно, даже исступленно тянется Виринея к участию в общественных делах. Еще не умея найти своего места, она, однако, верно ищет дорогу к людям. Эта дорога приводит ее к большевику Павлу, к большой любви, к долгожданному материнству и обрывается гибелью героини, не выдавшей партизанской тайны.

Так проходит эта женщина свой трагический путь. Путь сильных духом. Путь тех, о ком слагают легенды.

А Журавушка, чей обаятельный и яркий образ нарисовал в своей книге «Хлеб — имя существительное» М. Алексеев, совсем иная. В фильме актриса настойчиво подчеркивает ее притягательную, обезоруживающую женственность. Женственность, основанную не на слабости, а на силе характера. Отсюда — цельность чувств, бескомпромиссность, верность идеалам юности.

Зритель поверил Чурсиной, «принял» ее героинь, которые взволновали и тронули его своей незаурядностью, богатством внутренней жизни, красотой в самом широком смысле этого слова.

Но успех исполнительницы не может скрыть от нас многих несовершенств обеих лент. Тем более, что просчеты авторов, существенные сами по себе, сказались и на игре актрисы — неудавшиеся, «недотянутые» эпизоды корнями своими, как правило, уходят в сценарий, в режиссуру.

Справедливо отмечалось, например, критикой, что произвольные и не всегда оправданные сюжетные смещения (результат объединения в одно целое нескольких рассказов Лидии Сейфуллиной) не пошли на пользу фильму «Виринея». Слишком далеко порой заходят авторы (сценарист А. Шульгина, режиссер В. Фетин) в «синтезированном» конструировании персонажей. Это порождает скороговорку, схему, а то и фальшь. К тому же постановщик поддается соблазну внешних эффектов, рассчитанных на то, чтобы ошеломить зрителя. Тогда-то и в игре Чурсиной появляются картинность, красивая поза, холодок самолюбования. Кульминационная сцена расстрела Виринеи могла прозвучать как высокая трагедия, а вылилась в мелодраму. И не затронула по-настоящему наших чувств.

Женская верность, чистота и бескорыстие любви... Тема эта во все времена привлекала внимание художников и находила благодарный отклик аудитории. Но постановка такой проблемы требует от автора недвусмысленной, ясной собственной позиции. Гомер преклонялся перед подвигом своей Пенелопы, Шекспир благоговел перед Джульеттой. Таков был их этический идеал.

Отличаются ли такой определенностью позиции авторов «Журавушки» (сценарист Д. Василиу, режиссер Н. Москаленко)? С одной стороны, их трогает и умиляет Марфа Лунина, для которой память мужа, погибшего на фронте, свята. С другой — они понимают, что, пронесенная через годы, эта верность долгу и отказ от всех земных радостей могут приобрести характер фанатической одержимости, болезненного аскетизма. Как же свести концы с концами?

По-видимому, лишь в богатстве внутреннего мира героини можно было найти убедительный ответ на этот вопрос. Что-то должно заполнять ее душевный мир, вносить в жизнь особый смысл: дело, которому она отдается самозабвенно, или любовь к сыну, такая сильная, что другие привязанности невозможны...

Однако необходимому углублению характера авторы предпочли путь внешних сюжетных осложнений, которые нередко грешат навязчивостью, выглядят чужеродными.

Разудалая подружка-ханжа на время вовлекает Журавушку в религиозное болото, приобщает к «зеленому змию». Ну разве вяжется это с внутренним строем образа, с тем, что мы знаем о героине?

Появляются всевозможные сюжетные ответвления (скажем, сцена общественного суда над той же злополучной подружкой, которая кажется цитатой совсем из другого, ранее виденного фильма). Они уводят нас в сторону от главного, от той морально-этической темы, которая была заявлена, но оказалась недосказанной.

И вот уже слабеет «нерв» картины. Журавушка второй половины фильма — такая поникшая, унылая, уже вместо того, чтобы утверждать высокую мысль о женской верности и чистой любви, в чем-то ее развенчивает...

Разве авторы хотели этого? Хотели нравоучительным финалом бросить тень на Марфу — Журавушку, показать несостоятельность ее взглядов на жизнь? Нет. Все произошло как раз вопреки их намерениям. Вернее, потому, что намерения эти оказались неопределенными, расплывчатыми. К сожалению, режиссеру и актрисе временами изменяет и вкус — появляются сентиментальность, слащавость и неприятная благостность, совершенно чуждые привлекательному образу Журавушки, как он создан писателем.

Обо всем этом нужно сказать хотя бы потому, что в данном случае мы имеем дело с фильмами интересными, талантливыми. Творческий путь режиссера Н. Москаленко только начинается. Недалека от старта и Людмила Чурсина. Их первые удачи на очень трудном пути создания народного характера не могут не радовать, не обнадеживать. Но и издержки, вполне естественные на этом пути, должны быть замечены. И не только зрителями, не только критикой, но и самими молодыми художниками, потому что талант и высочайшая требовательность к себе — неразделимы.

...Работница, колхозница, врач, педагог, мать своих детей... Мы встречаемся с ними каждый день, с уважением и любовью говорим о них. Но экран все еще ждет своих открытий, ждет фильмов большой гражданской страсти и художественного масштаба, фильмов о женщинах яркой судьбы. В этом заинтересована не только женская половина зрительного зала (чего, впрочем, не сбросишь со счетов) — это определяет и общий уровень киноискусства.

Ф. МАРКОВА.

30 МАЙ 1969
«ПРАВДА» г. МОСКВА